

лица тех, кто пришёл с ней проститься, Иван Грозный разглядывал цепко: "Кто из них отравил?"

Алфавит. 2002 - апрель - с. 18-19.

МИР на десенке

Михоэлс
радовался
каждому
проявлению
жизни

Софья Славина*

Дочь Соломона Михайловича Михоэлса, вспоминая отца, говорила о его страсти к познанию, к знаниям. Наверное... Но я знала другую его страсть: он не мог пройти мимо человека, если видел, что тому плохо. Старался отвлечь, утешить. Он удивительно умел это делать. Начинал разговаривать, смешить, что-то разыгрывать. Ему всегда было необходимо утешить человека.

ПОМНЮ, ОДНАЖДЫ МЫ С МУЖЕМ вышли погулять. Жили мы тогда около Гоголевского бульвара и выходили вечером пройтись по бульвару. Возвращаясь домой, увидели идущего навстречу нашего молодого друга. Он был, очевидно, чем-то угнетён и шёл, опустив голову, не замечая никого вокруг. Нас он тоже не заметил. Мы окликнули его. Он оглянулся: "А-а-а, это вы... А я от вас. Я хотел сегодня быть с вами..."

* См. "Алфавит" № 12 за 2002 г.

Мы поняли, что с ним что-то произошло. Пошли вместе, стали расспрашивать.

"Раз вы хотели увидеться с нами, значит, наверное, хотели поговорить? Что-то случилось?.." – "Нет, ничего". – "Расскажите... Вам будет легче". – "Да ничего особенного". – "Хорошо, но чем вы так огорчены?" – "Просто мне сегодня уже тридцать лет!"

Мы с мужем не могли не рассмеяться. Нам было уже давно за тридцать лет, и никакой драмы из-за этого мы не пережили. Начали утешать нашего друга, но не могли удержаться от смеха. И вдруг рядом раздался голос: "По какому поводу такое веселье?"

"Соломон Михайлович, – говорю я подошедшему Михоэлсу. – У этого человека ужасная беда... Ему сегодня тридцать лет!" – "Тридцать лет?! Это серьёзно, – сказал Михоэлс. – Пойдёмте со мной".

Мы взяли нашего огорчённого друга под руки и пошли за Соломоном Михайловичем. Он привёл нас к какому-то дому, три ступени вниз. Спустились, открыли дверь и очутились в ог-

С. Михоэлс в роли Лира. 1935 г.

С. Михоэлс на собрании работников искусств. 1939 г.

ромном пивном зале. Столики, маленькая эстрада, музыканты, даже дирижёр. Едва вошли, как услышали с эстрады: "Соломон Михайлович!.. Соломон Михайлович!.."

Михоэлс сказал нам на ходу: "Займите столик!" А сам пошёл к эстраде.

Забрал у дирижёра палочку, взмахнул и запел залихватскую русскую песню. Музыканты играли пританцовывая. Дирижёр хлопал в такт ладонями. Михоэлс дирижировал и пел. В зале сначала смеялись, а потом стали петь. Пели вместе с Михоэлсом. Кто-то знал слова, кто-то пел без слов, кто-то подхватывал припев. Пел весь зал, пели и пританцовывали музыканты на эстраде, пел Михоэлс, размахивая дирижёрской палочкой.

Соломон Михайлович закончил петь, отдал палочку дирижёру. Музыканты постучали смычками по своим скрипкам. В зале аплодировали. Михоэлс подошёл к столику, нам

подали пиво. Соломон Михайлович сказал, обращаясь к нашему другу: "Вот, молодой человек, мы празднуем ваш день рождения... Тридцать лет! Да-а-а, а я начинал только в тридцать шесть... До этого был адвокатом. Мне хотелось защищать людей. Потом увидел, что у меня это не очень хорошо получается, и стал искать своё дело. И нашёл, нашёл... У вас ещё есть время, молодой человек. А я очень рад за вас. Поздравляю! Вам тридцать лет!"

Мы пили пиво, грызли воблу, солёный горох. И когда выходили из зала, нас провожали аплодисментами.

В СОРОК ВТОРОМ ГОДУ Я ПРИЕХАЛА в Москву с фронта, из-под Воронежа. Доехала сравнительно спокойно. Один раз попали под бомбы, но поезд сумел пройти. Сошла на московский перрон и, спустившись в метро, впервые за всю войну почувствовала себя

октями расталкивая толпу, вышел граф Игнатъев. Они с Михоэлсом были очень близки.

в безопасности. Своим ключом открыла дверь в свою квартиру, вошла, поняла, что она обворована, но мне это было как-то безразлично.

И вот я одна в квартире. Муж на фронте. Готовила на "буржуйке" чай – еда у меня ещё оставалась, в Воронеже провожающие сунули мне какой-то пакетик, и думала: "Надо искать работу... Но где?" Вдруг звонок. Телефон работает. Страшно обрадовалась, бросилась к трубке. Слышу голос Михоэлса. Спрашиваю: "Вы тоже в Москве?" – "Только что приехали. Проверяю, кто из знакомых дома..." – "Я одна... Муж на фронте". – "Одна? годится. Приезжайте к нам. У нас картошка, комбиджир, водка, хлеб... Приезжайте!"

Через некоторое время Михоэлс пригласил послушать новую пьесу Алексея Николаевича Толстого, с которым очень дружил. Сказал, что пьеса замечательная – об Иване Грозном. В зале театра собралось всего несколько человек. Алексей Николаевич сидел на сцене, а Соломон Михайлович примостился на ступеньках лесенки, которая вела из зрительного зала на сцену. Маленький человек, почти гномик, сидел на лесенке, поджав ноги, повернув свою некрасивую, прекрасную голову к Алексею Николаевичу. Иногда обращившись, поглядывал на слушателей, и в его взгляде читалось: "Ну как? Что я вам говорил?"

Пьеса и впрямь была поразительная. В некоторых сценах угадывался Сталин. Особенно запомнилась сцена у гроба жены. Сидел Иван Грозный и цепко, испытующе вглядывался в лица тех, кто пришёл с ней проститься: "Кто из них отравил?"

Читал Толстой великолепно, и пьеса производила сильное впечатление. Поставленная в Малом театре, она стала неузнаваемой: настолько велика была разница между первым вариантом, который слышала, и тем, что шло на сцене.

Потом, припоминая это чтение, думая о Михоэлсе, о его трагической судьбе, я видела его именно таким, сидящим на ступеньках лесенки. Маленький человек, гномик и – величественный король Лир. Один и тот же человек. Удивительно.

ПРОШЛО НЕСКОЛЬКО ЛЕТ. В КОНЦЕ 1947 года Михоэлс, как представитель комитета по Сталинским премиям, должен был поехать в Минск.

Незадолго до командировки его укусила бешеная собака. Врачи запретили не только алкогольные напитки, но даже не разрешали принимать успокоительные лекарства на спирту. Михоэлс был на строгой диете, перенёс болезненную процедуру

Сцена из спектакля "Король Лир". 1942 г. Рис. В. Тарасовой

уколов и был удручён от всего этого. Ехать в Минск ему не хотелось, но он всё же поехал. Вскоре после его отъезда позвонила жена Михоэлса – Анастасия Павловна Потоцкая: "Как-то мне сегодня не по себе... Нехорошо на душе. Соломона нет... Если можете – приходите..." – "Асенька, у меня занятия... Приду обязательно. Только позже. После занятий".

При театре С.В. Образцова были курсы повышения квалификации режиссёров кукольных театров, и я там преподавала. Пришла в театр, раздеваюсь в гардеробе и слышу разговор главного художника театра Тузлукова и заведующего музеем Федотова: "Это был великий Михоэлс..."

Подхожу, здороваюсь. Тузлуков продолжает: "Да-да, они думали, что это просто старый еврей в меховой шубе, а это был великий Михоэлс".

Спрашиваю: "Что такое? Почему – "был" Михоэлс?"

Тузлуков закричал: "Был, был, был Михоэлс! Убили Михоэлса!"

Бросилась к телефону. Набрала номер театра. Трубку взял заведующий труппой, которого я знала: "Это правда?" – "Да." – "А где Ася?" – "Она дома. Поехала на вокзал, её ждали и сказали: "Вам не велено ехать в Минск. Вам велено идти домой".

Положила трубку, пошла к ожидав-

шим меня режиссёрам: "Сегодня занятия отменяются. Вы свободны. Извините меня". – И вышла из аудитории. По дороге увидела спускающегося по лестнице Сергея Владимировича Образцова: "Сергей Владимирович, моего начальства сегодня нет, а я работать не могу... Я отпустила режиссёров..." – И услышала: "Я тоже не могу".

Подняла глаза – он был в слезах.

Я ПРИЕХАЛА К МИХОЭЛСАМ. ДВЕРИ – и наружные, и в квартиру (они жили на первом этаже) – были открыты настежь. На стуле сидела Анастасия Павловна и повторяла: "Если бы это была автомобильная катастрофа... Если бы это была автомобильная катастрофа... Он бы ничего не почувствовал... Я это пережила. Я это знаю. Это не больно. Это не больно... Если бы это была автомобильная катастрофа..."

Пришли трое. Писатели, которые ездили с Михоэлсом в Минск, – Фефер, Маркиш, а третьего человека не помню. Они рассказали вот что.

После просмотра спектаклей был устроен банкет, и в середине застолья раздался голос: "Соломон Михайлович! Вам скучно? Вы не едите, не пьёте. Я знаю – вам нельзя. Может быть, вам лучше погулять? Сейчас луна, прекрасная погода..." – "Да-да, я пой-

ду! Я давно хотел пойти в гетто. Сейчас при луне пойду в гетто".

И поднялся Голубов, который был с Михоэлсом в командировке, и сказал: "Соломон! Я пойду с тобой".

И оба не вернулись.

Когда Соломона Михайловича привезли хоронить, мы с мужем побежали в театр на Малой Бронной. Там стояла толпа. Пройти в театр мы не смогли, так много собралось народу. Неожиданно распахнулась дверь, и, расталкивая толпу плечами, локтями, вышел граф Игнатъев, автор известной книги "50 лет в строю". Они с Михоэлсом были очень близки. Игнатъев раздвинул толпу и, проходя мимо нас, только сказал: "Соломон, Соломон! Ужасно, ужасно... Несчастье, несчастье! Соломон..."

Беда сломила жену Михоэлса – Анастасию Павловну. Она непоправимо, неизлечимо заболела. Но до кончины успела написать воспоминания. Там рассказано об одном празднике, который они отметили вчетвером...

Соломон Михайлович позвонил домой и сказал: "Нас пригласили на приём. Я сейчас за тобой приеду". – "Но я не успею переодеться". – "Ничего... Там не раздеваются".

Через некоторое время Соломон Михайлович заехал за женой и привёз её в зоопарк. Там родила бегемотиха. Михоэлс приехал поздравить маму-бегемотиху с её малышом.

Он радовался каждому проявлению жизни.

Записал Сергей Смородкин

Справка "Алфавита"

Вовси Соломон Михайлович (1890–1948), псевдоним Михоэлс (сын Михаила), художественный руководитель ГОССТА – Государственного еврейского театра с 1929 г., советский актёр, режиссёр, лауреат Сталинской премии (1946). Дочь И.В. Сталина Светлана Аллилуева в книге "Только один год" вспоминала: "В одну из тогда уже редких встреч с отцом у него на даче я вошла в комнату, когда он говорил с кем-то по телефону. Я ждала. Ему что-то докладывали, а он слушал. Потом как резюме он сказал: "Ну автомобильная катастрофа". Я отлично помню эту интонацию – это был не вопрос, а утверждение, ответ. Он не спрашивал, а предлагал это – автомобильную катастрофу. Окончив разговор, он поздоровался со мной и через некоторое время сказал: "В автомобильной катастрофе разбился Михоэлс..." "Автомобильная катастрофа" была официальной версией, предложенной моим отцом, когда ему доложили об исполнении".